

Джапарова Э.К.

СИМВОЛИКА ЧИСЛА В МИФОКРИТИКЕ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

Сложившаяся в культурных моделях мифологическая парадигма на разных этапах своего развития обнаруживает всё новые подходы к осмыслению, выявляющие философские, культурологические, художественно-эстетические аспекты преемственности, позволяющие выстроить некий «механизм» формирования в литературе культурных знаков – символов прошлых эпох, их художественной реализации. Творчество Роберта Грейвса в основных своих параметрах вписывается в общую тенденцию исследования символики числа в текстообразовании и обнаружения скрытых смыслов, способствующих более глубокому проникновению в семантическую структуру текста.

Актуальность работы заключается в том, что миф и мифологические репродукции получили чрезвычайное распространение в современном литературном процессе. Знание оригинального использования мифа, как в поэзии, так и в критическом творчестве выдающегося английского литератора обогащает наше представление об особенностях и характере ориентации писателей и критиков в мифотворчестве.

Обозначенный в работе подход определяет научную новизну. Произведения Роберта Грейвса практически не изучены в отечественном литературоведении и недостаточно освещались в современной зарубежной критике. Исследование работ английского поэта, фольклориста, автора исторических романов и мифов, пропущенных через богатую поэтическую фантазию, открывает новые перспективные пути изучения английской поэзии XX века.

Практическая значимость заключается в том, что исследование мифотворчества Роберта Грейвса будет вкладом в изучение современной зарубежной литературы, а также расширит теоретический горизонт мифопоэтики. Материал может быть использован при разработке лекционных курсов по истории зарубежной литературы, в спецкурсах и семинарах по проблемам современного английского языка и английской литературы.

Известно, что числительные обладают архаической семантикой, заложенной в них во времена существования ранних космогонических систем, мифопоэтической картины мира древнего человека. Поэтому цель данной статьи представить отечественному читателю освоение мифа, связанное с влиянием мифопоэтической символики числа в произведениях Роберта Грейвса. Выдвинута задача показать яркий пример сохранения и развития мифопоэтической традиции в творчестве великого мифокритика и поэта XX века.

Прежде чем приступить к рассмотрению поставленной в названии статьи проблемы, уточним основные понятия исследования. Гегель в свое время писал: «символ представляет собой непосредственно наличное или данное для созерцания внешнее существование, которое не берётся таким, каким оно непосредственно существует ради самого себя, а должно пониматься в более широком общем смысле». По своему пониманию значения символа Роберт Грейвс понимал как знак, так как (2.14) Роберт Грейвс (1895 – 1985) Особенностью его многочисленных произведений является то, что помимо обозначения конкретного числа, символика числительных вызывает определённые мифологические ассоциации, создавая некий единый образ, лежащий в основе всех мифологий. Роберт Грейвс принадлежит к ритуально – мифологической школе и во главу угла своей концепции он ставит представление о мифе как о важнейшем генераторе всего художественного творчества. Роберт Грейвс пропускает через себя общеизвестные знания и использует их в конкретных художественных целях. Мифологические произведения Роберта Грейвса, которые буквально насыщены числовой символикой. Число «2» оживает как гармоничная симметрия в его стихотворении «Берег» («Sea Side») [15, с.74]. Сначала это – просто противоположности, противопоставления: «here and there» вмещают нечто большее, но неопределённое - везде и всюду, но в «некоем» ритме, как маятник часов из стороны - в сторону. «One and everyone» означает у Поэта «один как одна личность», а «everyone» - каждый как любой из толпы «усреднённый». Истинная симметрия, по мнению Поэта, существует лишь в природе, а точнее в «слиянии», «вечном касании», и «вечном движении» «неподвижного» песка и вечного движения моря. Так что и песок не является «застывшим», а оживает. Таким образом, истинная симметрия не есть некая регистрируемая данность. Она создается каждый миг вновь, но и всё – всеобъемлющая по связи её двух «участников». Такой же вечный и каждый миг изменчивой, но неразрывной есть симметрия «in left foot, right foot, left hand and right hand». Замыкает симметрию «правая рука». Двучленные левая нога, правая нога, левая рука и правая рука («left foot, right foot», «left hand and right hand») не являются отдельными, подчёркивает поэт, а мыслятся как Богом заданная Гармония.

Два пространственных образа модели замкнутого пространства является дом (ancient house - old house). В то же время, для Грейвса быть бездомным – гордость [8, с.105].

Произведения Роберта Грейвса «Белая Богиня», «Золотое Руно», «Иудейские мифы», «Мифы Древней Греции», а также огромное количество стихотворений, уходят своими корнями в древнюю мифологию и в них мы можем увидеть, что числовые символы играют не последнюю роль в раскрытии замыслов великого исследователя. Он, в частности, использует числа, которые чаще всего использовались кельтами: 2, 3, 7, 9, 13. Главенствующее место среди образов, составляющих мифопоэтический код произведений Роберта Грейвса, принадлежит Богине Луне. Связывая её с числовыми символами, он называет её «триединой»: она Муза, Царица, Праматерь одновременно. В связи с этим, Т.М.Фадеева в книге «Крым в сакральном пространстве» пишет: «Роберт Грейвс внимательно вник в сами поэтические тексты древних песен и легенд. Его книга «Белая Богиня» представляет собой замечательное по глубине проникновение в мифопоэтический мир кельтов и его реликты в последующей средневековой культуре Британии, французской Бретани и вообще ареала древней Кельтики. Одно из самых древних и почитаемых божеств кельтского мира – Богиня – Мать, выступающая в триедином облике – супруга весеннего и осеннего богов. Символическим её обозна-

чением была полная Луна, тогда как два её спутника изображались как убывающий и растущий полумесяц» [15, с.195]. Грейвс связывает цифру «три» с поверьем и пишет: «Она трижды свистнула, призывая ветры, чтобы спасти жизнь Морехода», «Свистеть три раза в честь Белой Богини – традиционный способ подбавлять ветер. Отсюда поверье, что «кудахтающая курица и свистящая девица» сулят несчастье» [3, с.56] и добавляет, что «Во всей Вселенной нет ничего выше Тройственной Богини», которая смиряет злых духов «триликим образом». Белая Богиня – Муза, которую боготворит Роберт Грейвсом тоже «трёх ипостасей»: «молодая луна – белая богиня рождения и взросления, полная луна – красная богиня любви и войны, старая луна – чёрная богиня смерти и прорицания [3, с.86]. С цифрой три Грейвс ассоциирует основные элементы, которые считает важными – это «огонь, воздух, вода», причём огонь он называет раньше, чем воздух и воду.

Символическое значение числа 4 связывается с символикой квадрата и креста. Ещё в доисторические времена число 4 использовалось для обозначения устойчивости. В различных традициях короли назывались: господин четырёх сторон света. Стоит обратить внимание на 4 фазы Луны, 4 времени года и т.д. В библейской традиции число 4 передаёт идею универсальности: четыре цвета апокалиптических всадников соответствуют четырём фазам суток и четырем основным точкам пространства: Восток, Запад, Юг, Север. Годовые символы это четыре зверя.

Число семь, согласно легендам и приметам, используется прежде всего для характеристики Вселенной в целом – это значение предела, порога, который не следует переступать. Распространенность и значимость числа семь объясняется у Роберта Грейвса очень просто. Цифра семь означает семь деревьев ирландской рощи, принадлежащих летним месяцам, сравнивает этот канон с семью днями Творения как они описаны в первой главе Бытия: «Поскольку семь столбов мудрости отождествлены иудейскими мистиками с семью днями Творения и семью днями недели, можно предположить, что астрологическая система, соотносящая каждый день недели с небесным телом, имеет древесного двойника» [3, с.333]. Семь священных деревьев ирландской рощи это берёза, ива, падуб, орех, дуб, яблоня, ольха. И все семь составляют неделю. «Семь гномов, её слуг, которые работают с драгоценными металлами, спасают Белоснежку от первых попыток убить её и, напоминая тельхинов, символизируют, по всей видимости, семь священных деревьев или семь небесных светил» [3, с. 540]. «Олень семи отростков» Грейвс связывает с тем, что, возможно, означает семь отростков на каждом роге - всего четырнадцать, которые были знаком «царственного оленя».

Архаическая и мифопоэтическая символика числа 13 сохраняется в культурной традиции и отражается в текстах очень часто, это отмечает и сам Роберт Грейвс: «В валлийских сказаниях число тринадцать встречается постоянно» «тринадцать драгоценностей», «тринадцать чудес Британии», «тринадцать королевских алмазов», «тринадцать тюремных запоров». «Тринадцатый месяц – это месяц смерти». Цифра тринадцать присутствует и в алфавите Бет-Луис-Нион, который был изучен Робертом Грейвсом для анализа двух уэльсовских средневековых поэм и, в которых Грейвс пытался подобрать ключ к тайнам магического языка Средиземноморья и Северной Европы, связанного с архаическими ритуалами служителей луны, в результате чего, была разработана концепция Белой Богини. «Впервые я открыл для себя алфавит Бет-Луис-Нион в книге Родерика О'Флаерти «Огилия». Этот алфавит Боибел-Лот, представлен у него как подлинная реликвия друидов, которая передавалась из уст в уста на протяжении многих веков. Говорят, что в более поздние времена его использовали только для ворожбы, и состоит он из пяти гласных и тринадцати согласных» каждая буква - это назначение дерева или кустарника, которое с неё начинается» [3, с. 44]. В названиях деревьев и кустарников им включены следующие деревья и кустарники: Берёза, Рябина, Ясень, Ольха, Ива, Боярышник, Дуб, Остролист, Лещина, Виноград, Плющ, Карликовая Бузина, Обыкновенная Бузина, Пихта, Дрок, Вереск, Тополь, Тис.

Грейвс действительно блестящий поэт и прозаик, который придаёт основательную достоверность ссылок на античные тексты и свои комментарии. Он как бы координирует разрозненные сюжеты, внутренне объединяя их незримыми нитями. Это приводит к реконструкции мифа и использования его в сравнительной мифологии. Вечная борьба мрачных стихийных сил и надежда на возрождение и победу светлого начала – эта неизменная, заложенная в самой природе, диалектика смерти и жизни, вражды и любви – пронизывают произведения прекрасного поэта и своеобразного мифотворца Роберта Грейвса. Он не претендовал на литературоведческие лавры, и лишь с течением времени, замеченный и оцененный, смог занять подобающее ему высокое место в истории современного английского литературоведения.

Чтение произведений Роберта Грейвса доставляет истинное удовольствие и удовлетворение любознательному читателю, интересующемуся чудесами и мифами. Он оказал и продолжает оказывать особо важное и самобытное влияние на англо – американское мифологическое литературоведение. В художественных текстах Роберта Грейвса архаическая семантика числительного как бы реанимируется и зачастую играет важную роль в понимании замысла автора.

Источники и литература

1. Батлер А. Компьютер бронзового века: Расшифровка Фестского диска. – М.: Издательство Эксмо, 2005. – 272 с., ил. – (Тайны древних цивилизаций).
2. Гегель Г-В-Ф. Эстетика. – Т. 2. – М., 1969. – С. 14.
3. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии/ Пер. с англ. Л.И.Володарской. – Екатеринбург: У - Фактория, 2005. – 656 с.
4. Грейвс Р. Патай Р.Иудейские мифы. Книга Бытия/Пер. с англ. Л.И.Володарской. Екатеринбург: У – Фактория, 2005. – 496 с.

5. Грейвс Р. Мифы Древней Греции англ. Под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. – М.: Прогресс, 1992. – 624 с.
6. Грейвс Р. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3 / Пер. с англ. Т. Печурко; Коммент. А. Николаевской. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 384с.
7. Graves R., «The Greek Myths» Edinburgh, Penguin Books., 1957. – 370 p.
8. Graves R., «Poems Selected by Himself.» – Edinburgh., Penguin Books., 1966. – 222 p.
9. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Intrada, 2004. – 560 с.
10. Козлов А.С. Мифологическое направление в литературоведении США. – М.: «Высшая школа», 1984. – 175с.
11. Козлов А.С. Литературоведение Англии и США XX века». – Симферополь, 1994. – 256 с.
12. Rosenberge D. and Baker S “Mythology and You” “Classical Mythology and Its. Relevanse to today’s World”. “National Textbook Company», 1981.
13. Сидорова с.Ю. «Память мифа и фольклора – тайна преображения» // Вестник Московского университета. – №1. – 2003. – 156 с.
14. Chase R. Quest for Myth. – Baton Ronge. – 1949.
15. Фадеева Т.М. Крым в сакральном мире: История, символы, легенды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. – 304 с.
16. Фролов Б.А. По следам одного числа. // Сквозь века. – М.; Знание, 1986. – С. 221–238.

Кіркowska І.С.

СИНКРЕТИЧНЕ ЗНАЧЕННЯ ЗНАКУ РЕСТРИКЦІЇ *NE...QUE* У СУЧАСНІЙ ФРАНЦУЗЬКІЙ МОВІ В КОНТЕКСТІ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ТЕОРІЇ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ Г. ГІЙОМА

Синкретичність, як невід’ємна властивість мови і така, що здатна поєднувати в собі споріднені ознаки мовних одиниць на всіх рівнях організації мовної системи, довгий час вивчалась як граматична ознака на певному мовному рівні: фонологічному, морфологічному або синтаксичному (Б. де Куртене, Ф. де Соссюр, В.Г. Гак, С.А. Реферовська, А.К. Васильєва, R.L. Wagner, M. Grevisse). За всієї різноманітності наукових досліджень у цій галузі системно-компонентний аналіз цього явища між граматичними та логічними категоріями відсутній.

Мета проведеного дослідження полягає у вивченні структурних та системнозумовлених особливостей знаку категорії рестрикції, вираженої у французькій мові зворотом *ne...que*; умовам її формування з точки зору “позиційної лінгвістики” Г. Гійома порівняно з граматичними категоріями заперечення/ствердження. Преметом напрацьованих спостережень щодо природи знаку рестрикції *ne...que* є наявність спільних ознак психомеханічного процесу її формування разом з опозитивними граматичними категоріями ствердження/заперечення, часовими формами минулого/майбутнього, а також із системою французького артикля, що відбивають опозитивні поняття частковості/загальності. Основними завданнями статті є: 1) вивчення психомеханічного процесу утворення знаку рестрикції *ne...que* в системі французької мови з точки зору “позиційної лінгвістики” Г. Гійома; 2) виявлення синкретичного значення категорії рестрикції в системі французької мови.

Актуальність статті зумовлена тим, що в останні десятиріччя різко зріс інтерес до висвітлення вже відомих лінгвістичних явищ, у нашому випадку категорії рестрикції, з позицій сучасних лінгвістичних досліджень, що беруть за основу не дихотомію мови та мовлення, а трином: мислення та мова, що інтегруються в мовленні.

Як відомо, поняття *синкретизму* властиве мові як системі (усім мовним рівням) через поєднання в ній аналогій та аномалій. Синкретизм передбачає певне поєднання у процесі розвитку мови в одній формі функціонально розбіжних граматичних категорій, це явище пронизує всі рівні мови [17, с.540]. Але для того, щоб наочно розглянути і відтворити механізм виникнення явища синкретизму в мовній системі, необхідно розглянути “народження” певної мовної одиниці через дію людської свідомості. Очевидно, що будь-який рух має тимчасове вимірювання і для будь-якого руху потрібен певний час. Г. Гійом якось відзначив, що так само, як і для ходи, для мислення необхідний час [16, с.40]. Розглядаючи взаємну каузацію мови і мислення, Г. Гійом уперше формулює і вводить у науковий обіг поняття «оперативного часу» для позначення певного темпорального простору становлення граматичних і лексичних форм. Оперативний час складає матеріальний субстрат взаємодії мови і мовлення в мовленнєвій діяльності. У просторі оперативного часу розгортаються ментальні (психічні) операції формування мовної одиниці (слова) [4, с.192]. *Оперативний час* є матеріальним субстратом взаємодії мовних і мовленнєвих значень. Оперативний час здійснює проекцію процесу формування поняття в мисленні мовців, що сформувалося і розвивалося в різномірних і глибоких вимірах, на виміри однорідні і площинні при аналітичному відтворенні за методикою позиційної лінгвістики. Операція закінчується результатом, який відтворює оперативну систему, роблячи її миттєвий зріз. Тут і проходить межа між історичним та оперативним часом [4, с.124]. Говорячи про тимчасову характеристику мови, мовлення і мовленнєвої діяльності, ряд учених, сам Г. Гійом, Б. Потье та інші, уживають терміни «синхронія» і «діахронія». Однак ці терміни неточно передають ідею тимчасового сприйняття мови в психосистематиці. Р. Вален (1971) пропонує наступне уточнення місця оперативного часу в плинні часу взагалі (космічного), часу формування людської мови (глюкогенічного) і часу мовлення (праксеногенічного):